

От редакции. Публикуемое ниже интервью с Е.С. Савченко воспроизводится по тексту, помещенному в «Российском экономическом журнале» (№4 за 2013 год, с. 40-45).

Е.С. Савченко работал агрономом колхоза, директором совхоза, затем в районных и областных партийных органах, в ЦК КПСС и Министерстве сельского хозяйства РСФСР. С 1993 года – глава администрации, а затем бессменный губернатор Белгородской области. Последнее избрание его вновь губернатором области состоялось в октябре 2012 года.

В своем блоге Е.С. Савченко пишет: «Жизнь подтвердила правильность наших оценок и действий. Подтвердилась и правильность выбранных нами ориентиров в экономике области. Сделав упор на производство мяса и молока – в АПК, на индивидуальное жилищное строительство – в строительном комплексе, на модернизацию горно-металлургической промышленности и активизацию малого бизнеса, мы заложили ту основу, которая помогает преодолевать трудности и развиваться... Сегодня нам удалось реализовать многие программы, направленные на улучшение качества жизни земляков... Но главным нашим приоритетом считаю создание такой духовно-нравственной среды в обществе, которая поднимает на новый уровень качество человеческих взаимоотношений» (цитируется по: [http://www/savchenko.ru/info](http://www.savchenko.ru/info)).

Савченко Е.С.

О необходимости и содержании смены макроэкономической политики

Факты таковы, что об императивности этой смены ныне начинают открыто говорить (и предлагать ее содержательные варианты, созвучные рекомендациям, появившимся и на страницах нашего журнала) даже отдельные представители «властной вертикали», тринадцатилетний социально-экономический курс которой и в условиях

сохранения высоких мировых цен на нефть привел народное хозяйство России в состояние, описываемое спорами «еще стагнация или уже рецессия?» Подобного рода соображения обнаруживаются, в частности, в публикациях в СМИ и в научных журналах одного из российских губернаторов – главы известной своими достижениями по*

* Принципиальные характеристики этого состояния и обоснование предложений по его изменению см., в частности, в следующих публикациях «Российского экономического журнала» текущего года: Ершов М., Татузов В., Урьева Е. Ориентиры инновационного развития: «воспоминания о будущем»? (Макроэкономическая динамика-2013 опровергает докризисные прогнозы). – 2013. – №2; Жуковский В. «Нефтегазовый «Титаник» на исходе первого года «нового старого» политического цикла (комментарий к официальной макроэкономической статистике). – Там же; Глазьев С. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013–2014 гг.). – 2013. – №3.

*профильной экономической специализации (аграрно-животноводческой) Белгородской области Евгения Степановича Савченко, члена-корреспондента Россельхозакадемии**.* Они воспроизводятся в его помещаемом ниже интервью.

— **Каков Ваш диагноз ситуации, устоявшейся в отечественной экономике?**

— Не открою большого секрета, заявив, что в стране сложился классический сырьевой (неоколониальный) тип экономики, основными чертами которого являются: растущий экспорт сырьевых товаров — нефти, газа, железорудного сырья, угля, леса, зерна, рыбы; потеря конкурентоспособности; доминирование на внутреннем потребительском рынке импортных товаров и услуг; нарушение баланса интересов и рост противоречий между национальными товаропроизводителями и потребителями (при этом доминируют интересы потребителей).

Относительная экономическая стабильность последних лет объясняется исключительно благоприятной конъюнктурой на экспортные товары и сырье, хотя и она уже не спасает от фиксируемой Росстатом фактической остановки народнохозяйственного роста. А наше присоединение к Всемирной торговой организации юридически закрепляет сырьевой статус-кво России в глобальной экономике.

Таким образом, состояние национальной экономики в большой степени определяется действием внешних факторов. Мелчайшие их изменения, в каком бы регионе мира они ни происходили, отражаются на России, причем не только на экономической, но и на социальной и внутриполитической ситуациях в стране.

** См., в частности: Савченко Е. Макроэкономическая политика России: проблемы и решения // АПК: экономика и управление. — 2013. — №6.

— **В чем Вы усматриваете главные причины столь удручающего состояния народного хозяйства России? Нельзя ли, не повторяя хорошо известные сюжеты касательно «лихих 1990-х», ограничиться в указанном аспекте постдефолтным периодом, охватывающим годы второго, третьего и начала четвертого («нового старого») постсоветских политических циклов?**

— Полагаю, что эти причины связаны с неверной макроэкономической политикой, проводившейся, начиная с рубежа двух столетий. Знаменитый постдефолтный экономический рост России определялся и тогдашним резким повышением мировых цен на углеводородные энергоносители как основной наш экспортный товар, и, причем в первые после событий-1998 годы даже в большей мере — постдевальвационным эффектом. Резкий рост цен на импорт сделал наших товаропроизводителей конкурентоспособными, особенно на внутреннем рынке, что дало импульс развитию прежде всего несырьевого сектора экономики, процессов импортозамещения, в частности, — в индустрии народного потребления, в производстве продовольствия. К огромному сожалению, данное преимущество Россия затем полностью утратила, и то, что называют экономической стабильностью, повторяюсь, поддерживают лишь высокие экспортные цены на нефть и газ.

Механизм этой утраты в течение десяти с лишним лет во многом был связан с парадоксом, заключавшимся в том, что внутренняя инфляция в данный период неуклонно укрепляла валютный курс рубля. Поскольку средняя ежегодная инфляция за последние 13 лет составила примерно 12%, легко посчитать: суммарно за указанный срок она достигла 400%. Но поскольку официальный курс доллара США в 2000 и в 2013 гг. оставался неизменным, равным примерно 30 руб., это привело к росту затрат на производство одного и того

же товара (при в принципе неизменной технологии) вчетверо, причем не только в рублях, но и в долларах.

Это означает только одно — конкурентоспособность российской экономики за 13 лет снизилась по отношению к мировой в четыре раза (за небольшим минусом, связанным с инфляцией доллара США). Так, если в 2000 г. затраты на производство условной единицы продукции в России были в твердой валюте в полтора—два раза ниже, чем на аналогичную продукцию в западных странах, то в начале 2013 г. они стали во столько же раз выше. Итог очевиден: российская экономика за данный исторический период прошла путь от устойчивой конкурентоспособности к полной ее потере.

Не буду вдаваться в рассуждения о мотивах принятия в «тучные нефтедолларовые» годы соответствующих макроэкономических решений, хотя очевидно: лица, ответственные за их принятие, прежде всего стремились во что бы то ни стало уравнивать внутренние цены на товары и услуги естественных монополий с мировыми, обеспечить присоединение России к ВТО и в целом «интеграцию страны в глобальную экономику», одновременно облегчить положение банков и корпораций, набравших огромные внешние валютные обязательства. Факт есть факт: российская экономика ныне находится в макроэкономическом тупике, некая стабильность зиждется только на зыбком фундаменте конъюнктуры мировых цен на товары российского экспорта, прежде всего на нефть и газ. Эту констатацию представляется необходимым дополнить еще несколькими констатирующими и аналитическими позициями.

Во-первых, вследствие инфляции при неизменном валютном курсе российская экономика «потяжелела» не только в рублях, но и в долларах. Доллароемкость ее

за эти годы увеличилась минимум в восемь раз, в том числе в связи с инфляцией — вчетверо, а с реальным ростом — вдвое. В условиях едва ли не десятикратного удорожания углеводородов страна стала резервуаром для связывания долларов США, ежегодная эмиссия которых превышает в последнее время 1 трлн. Данное обстоятельство послужило мощным фактором сохранения стабильности мировой финансовой системы, но Россия заплатила за это утратой конкурентоспособности своей национальной экономики.

Во-вторых, если бы в течение рассматриваемого периода реальная стоимость рубля по отношению к доллару (валютный курс) была такой же, как и в 2000 г., то только по линии экспорта наша страна получила бы дополнительно порядка 200 трлн. руб., что равно почти трем годовым ВВП или десяти консолидированным российским бюджетам. Иными словами, вследствие удорожания рубля три года из тринадцати лет наша страна работала на чужую экономику.

В-третьих, хотя главным инвестором любой экономики, как известно, является рядовой покупатель, три четверти российского розничного оборота из-за ревальвации рубля в настоящее время формируются на основе импортных товаров, а это более 10 трлн. руб. (или свыше 300 млрд. долл.), ежегодно уходящих из страны на поддержку зарубежных товаропроизводителей. Плюс утечка капитала — около 100 млрд. долл. в год. Это еще одна составляющая той цены, которую мы платим за избыточное удорожание рубля.

В-четвертых, все эти годы российские банки кредитовали нашу экономику под 12—18% годовых, объясняя столь высокую процентную ставку уровнем инфляции. Аналогичные объяснения давал Банк России в отношении зашкаливавшей ставки рефинансирования. Но при этом банки-

рами разных уровней, мягко говоря, не акцентировалось главное: в условиях неизменного валютного курса рубля рублевая процентная ставка остается тождественной долларовой. Следовательно, в течение 13 лет наши коммерческие банки ссужали юридических и физических лиц на условиях втрое–впятеро более жестких, чем банки на Западе. А центробанковская ставка рефинансирования фактически в десятки раз превышала цену денег, устанавливавшуюся аналогичными мировыми финансовыми регуляторами. Непонятно только, зачем в этой ситуации БР размещал золотовалютные резервы страны за рубежом под 1–2% годовых? Ведь за эти годы, кредитую нашу финансовую систему хотя бы под 8–10% годовых в рублях, при неизменном валютном курсе национальной валюты, можно было выручить не менее 1 трлн. долл.! В итоге доходность банковской системы страны за последние годы увеличилась как в рублях, так и в валюте почти на порядок, но оборотной стороной этого стали рост производственных затрат, повышение цен на товары и услуги, а главное, – все та же потеря конкурентоспособности. Таким образом, замораживание валютного курса рубля запустило мощный «финансово-насосный» механизм в отношении стимулирования не только утечки капитала за рубеж, но и перекачивания капитала из реального сектора в сектор финансовый.

В-пятых, представляется уместным обратиться в этой связи к опыту других стран, где наблюдалась и наблюдается куда более гибкая макроэкономическая политика. Взять ту же «Поднебесную», где в короткий исторический период создана вторая по объему экономика мира с мощным экспортным потенциалом. Можно называть немало причин «китайского чуда», но одним из фундаментальных его факторов стала девальвация в конце прошлого столетия национальной валюты – с 0,40 до

0,12 долл. США за 1 юань, т.е. в 3,3 раза. И лишь в последнее время под мощным давлением Соединенных Штатов курс китайской валюты незначительно ревальвирован – достиг 16 центов за юань.

В свое время аналогичное поведение продемонстрировала Япония, которая в условиях выгодного валютного курса йены добилась «экономического чуда». Лишь после долгого «выламывания рук» американцы вынудили японцев подписать в 1985 г. «Соглашение отеля Плаза», вследствие которого курс йены был почти вдвое ревальвирован. Спустя четверть века японцы вынуждены вновь девальвировать национальную валюту, чтобы вывести страну из долговременной экономической стагнации. Напомню, кстати, и о том, что накануне вступления в Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации первая втрое девальвировала национальную валюту, в связи с чем белорусские товары, особенно продовольственные, успешно теснят аналогичную продукцию российских производителей на наших рынках.

В-шестых, хотя от рассматриваемой макроэкономической политики выиграли не только «олигархи», сырьевики и банкиры, но и другие слои российского общества, доходы которых, включая среднезарплатные, догоняя инфляцию не только в рублях, но и в долларах, росли (при всех справедливо критикуемых изъянах показателя среднемесячной зарплаты по стране, скрывающего запредельное доходное расслоение граждан, он все-таки увеличился в разы – со 150 до 1000 долл.), следует сделать ряд принципиальной значимости оговорки. Во-первых, это оказалось возможным благодаря тем высоким ценам на экспортные товары, которые могут в одночасье рухнуть, прецедент чего, кстати заметить, продемонстрировал глобальный кризис 2008–2009 гг. Во-вторых, значительная

доля доходов населения уходила и уходит за рубеж (покупка импортных товаров, приобретение товаров и недвижимости непосредственно за границей, «утечка» капитала и т.п.); в общей структуре выручки нашей долларизованной экономики доля доходов населения вряд ли превышает 25%. В-третьих, повышение доходов российских граждан в последние годы — результат не столько роста национальной экономики, не говоря уж о росте ее эффективности, сколько ревальвационного курса рубля. И эта данность не могла не отразиться на внутривнутриполитической ситуации в России, поскольку она спровоцировала противоречие между интересами национальных потребителей и национальных товаропроизводителей, что вылилось в открытые социальные и политические эксцессы конца 2011—2012 г. И при сохранении критикуемого макроэкономического курса противоречие между потребителями и товаропроизводителями, на мой взгляд, будет только нарастать.

Соответственно его разрешение, а шире — перевод нашей экономики с «матрицы» гипертрофированно-сырьевого на «матрицу» быстрого, устойчивого и сбалансированного роста — требуют смены этого курса.

— **Как конкретно Вам видится эта смена, каковы содержание и субординация соответствующих предлагаемых мер?**

— Коль скоро возникает проблема стимулирования развития любой экономики рыночного типа, не уйти прежде всего от задачи стимулирующего воздействия на совокупный платежеспособный спрос и на его структуру. В нынешних российских обстоятельствах речь, на мой взгляд, должна идти не только или даже не столько о расширении общего спроса со стороны населения, бизнеса и государства, сколько о его переориентации на импортозамещающие, т.е. отечественного происхождения, товары и услуги. Между тем для создания должной среды активизации российских

производителей сегодня почти невозможно широкомасштабно применять административные методы, прямо противоречащие нормативной базе ВТО. Использование той группы экономических методов, которые непосредственно сопряжены с повышением эффективности производства, производительности труда, требует затрат крупных денежных ресурсов и длительного времени, а задействование методов институциональных, связанных в первую очередь с улучшением инновационного климата, в сложившейся ситуации вообще малоуспешно. Исходя из этого и в контексте всего сказанного ранее, первоочередным и наиболее эффективным способом переориентации спроса с внешнего рынка на рынок внутренний представляется девальвация российского рубля.

Однако ограничиться удешевлением национальной валюты ни в коем случае нельзя: это чревато прежде всего неукротимым взлетом инфляции и обвалом доходов, а значит, и уровня жизни россиян, как, собственно и произошло в августе-1998 и в первые месяцы после дефолта. Однако, на мой взгляд, существует принципиальная возможность мощно сдмпфировать эти негативные процессы, дополнив указанную исходную меру комплексом других. Не претендуя в данном случае на исчерпывающий перечень подобного рода сопряженных мер, укажу лишь на главные линии соответствующих действий.

Удешевление рубля необходимо, во-первых, сопроводить рядом шагов по контролю за ценами на товары и услуги (как оптовыми, так и розничными), хорошо известными из практики развитых стран. Здесь следует признать, что такой запущенности дела регулирования ценообразования, как в России, нет, наверное, нигде, и именно это обстоятельство — исключительная слабость контроля госрегуляторов за издержками производства,

рентабельностью, межотраслевыми затратами и т.п., накладывающаяся на неразвитость «саморегулирующей» рыночно-конкурентной среды, провоцирует гипертрофирование банально-наглого стремления товаропроизводителей и посредников «накручивать» цены в погоне за сверхдоходами, особыми по норме и массе прибылями. И неудивительно, к примеру, что та подлинная драма, которую испытывает мясная отрасль сельского хозяйства вследствие снижения после присоединения России к ВТО закупочных цен на 30–40%, никоим образом не отразилась на цене мяса и продуктов из него в торговле: последняя, реализуя свои монопольные возможности, по-прежнему получает сверхприбыли.

Если же оптимизировать и взаимно гармонизировать в нашей экономике издержки на посреднические услуги, администрирование и управление и на обеспечение безопасности бизнеса, размер арендных платежей за использование недвижимости и земли, стоимость услуг многочисленных контролирующих и разрешительных организаций, платежи кредиторам, затраты на доступ к инфраструктуре и т.п., если, кроме того, ограничить уровень рентабельности для всех хозяйствующих субъектов на внутреннем рынке потолком хотя бы в 25%, можно, полагаю, добиться снижения стоимости на товары и услуги в целом на 30–40%. В условиях неизбежности роста цен на импортные товары при девальвации рубля это стало бы серьезным экономическим и социальным амортизатором на потребительском рынке страны.

Во-вторых, центробанковскую ставку рефинансирования следовало бы ограничить величиной 0,5–1,0% в год, а выдачу кредитов коммерческих банков — 3–5% годовых. До этого уровня важно было бы пересмотреть ставки по всем ранее выданным коммерческим кредитам, включая

ипотечные, а кредиты, предоставленные в валюте, — перевести в рублевые по курсу на момент выдачи. При этом действующую практику субсидирования государством процентных ставок для отдельных отраслей и хозяйствующих субъектов представляется необходимым отменить, а сэкономленные несколько сотен миллиардов бюджетных средств — направить на временное поддержание ставки по депозитным вкладам денежных средств населения.

Нет смысла пространно разъяснять, к какому мощному оживлению экономической жизни в стране привело бы наведение элементарного порядка в финансовой сфере. При этом возможный временный дефицит ресурсов в банковской системе стоило бы покрывать за счет кредитов Банка России, тем более что у него образовалась бы значительная рублевая ликвидность по итогам переоценки золотовалютных резервов вследствие девальвации национальной валюты.

В-третьих, государство призвано выступить мощным «драйвером» в стимулировании экономического роста и внутреннего спроса по линии активного направления средств на развитие транспортной инфраструктуры, прежде всего — автомобильных дорог. При этом предстоит установить контроль за ценообразованием в дорожном строительстве. Так, стоимость четырехполосной дороги, соответствующей всем современным стандартам, не должна превышать 3–4 млн. долл. за километр. До 2020 г. реально построить не менее 50 тыс. км современных автобанов, соединив ими не только областные центры, но и большинство районных. Источником финансирования дорожного строительства могли бы стать целевые инфраструктурные центробанковские займы регионам РФ, которые окупились бы в течение 10–12 лет ежегодным ростом ВВП на 4–6% только вследствие повышения качества дорог.

Другое перспективное направление экономического роста, стимулируемого государством, – индивидуальное жилищное строительство и развертывание сопутствующей инфраструктуры. На основе умело выстроенной системы взаимодействия и партнерства между государством, регионами, застройщиками и банками вполне возможно довести в стране ежегодный объем индивидуального строительства жилья до 1 млн. загородных домов, или 130–150 млн. кв. м в год. Поддержка только этих двух направлений сгенерировала бы мощный мультипликационный эффект экономического роста во всех отраслях на ближайшие 10–15 лет с несомненными позитивными последствиями в плане укрепления социальной стабильности консолидации российского общества.

В-четвертых, исходя из того, что любые действия по стимулированию экономического роста обречены на провал без наличия на рынке труда должной качествен-

но-количественной структуры кадров, в стране необходимо в срочном порядке разворачивать реформу профессионального образования, нацеленную на его возрождение и его максимальную в отношении количественно-качественной структуры адаптацию к народнохозяйственным потребностям. Здесь императивно сбалансирование интересов государства, работодателей, учебных заведений и учащихся.

– **Очевидно, что подобного характера перемены в государственной экономической политике предполагают, как принято формулировать, «должное проявление высшей политической воли»...**

– Да, экономическое оздоровление немислимо без консолидированных солидарных действий всех членов общества, которые в идеале способны обеспечить лишь пользующееся доверием населения высшее должностное лицо государства. Предлагаемые перемены суть преобразования президентского уровня.